

Все сошли с ума.

Сумасшедший — это я. Нет, сумасшедшие знают меня, это не я! Хотя нет, это я! Кто же в конце концов сошел с ума?!

В тихой комнате царил полумрак. Бесчисленные глаза, проступившие прямо на масляной краске картин, висящих на стенах, уставились на мужчину, сидящего на полу. В какой-то момент показалось, что эти глазные яблоки едва заметно подрагивают.

Глаза прятались в траве на пейзажах, выглядывали из горлышек ваз на натюрмортах, таились в щелях рам. Всюду были глаза, глаза, глаза, глаза, глаза, глаза, глаза, глаза.

— Не смотрите на меня... не смотрите... все они, черт возьми, свихнулись.

Мужчина, привалившись к краю кровати, бормотал себе под нос. Его щеки ввалились, кожа приобрела пугающий мертвенно-бледный оттенок, глазницы глубоко запали, а белки были испещрены густой сетью красных капилляров. Выглядел он безумно и жутко. Желтые волосы, которые он давно не приводил в порядок, снова и снова пропитывались потом, прилипая к голове, словно дешевый пластик на манекене из магазина.

Человеческое начало постепенно покидало его.

Одежда, забрызганная кровью и ошметками плоти, засохла и стала грубой, как картон. Она плотно облегала тело, и казалось, что мышцы и жир под ней уже стали частью этой внешней оболочки.

Теперь он больше походил на жука. Твердый панцирь, а внутри — какая-то размякшая гниль.

Вчера, пообедав, Ши Юн вернулся в спальню и с придирчивым видом оглядел помещение. 7-й этаж, где он остановился, не предлагал роскошных люксов — планировка всех номеров в отеле была примерно одинаковой.

Помимо того, что комната была чуть просторнее и обставлена изысканной классической европейской мебелью, в ней не было тех современных удобств, на которые он рассчитывал. Впрочем, это все равно было лучше, чем паршивый диван в караоке-баре, где он обычно кувиркался с девицами.

Он успел собрать немало ценных вещей в автобусе, но, к несчастью, большую часть растерял, когда все наперегонки ломилось в двери отеля.

Вспомнив об этом, он с досадой швырнул рюкзак на кровать.

— В этой дыре даже бабу не закажешь. Если узнаю, кто все это устроил и из-за кого погиб

Далун, я с него шкуру спущу, изрублю на куски и скормлю псам. Твою мать!

Одежда на нем вызвала тошноту. Стоило вспомнить, что все эти красные и белые пятна — остатки плоти Далуна, как его начинало мутить. Какая мерзость. Подох так внезапно, неужели нельзя было отползти подальше, чтобы сдохнуть?!

Ругаясь сквозь зубы, он потянулся к пуговицам, собираясь раздеться и принять душ.

Расстегивая рубашку, Ши Юн направился в ванную. Проходя мимо стены напротив кровати, он вдруг заметил нечто странное в одной из картин. Среди множества рам выделялось полотно, на котором была изображена испуганная женщина средних лет, пытающаяся сбежать.

Его привлекли ее пышные формы: несмотря на возраст, фигура почти не оплыла, а соблазнительные изгибы придавали ей особую зрелую прелесть.

Ши Юн обожал таких женщин. Раньше он постоянно крутил романы с чужими женами и никак не мог исправиться.

На картине ярко накрашенная женщина в узком коридоре в ужасе оглядывалась назад. На ее теле виднелись синяки и кровоподтеки, облегающее розовое шелковое платье было разорвано, обнажая сексуальное белье.

— Хе-хе, а картина-то что надо, — Ши Юн прищурился, долго разглядывая ее, а затем протянул руку и начал скрести ногтями, пытаясь отодрать полотно, чтобы утащить его с собой в ванную.

На его грубых руках кровь уже засохла коркой, и грязные ногти скребли по холсту.

— Черт, да как же она не отдирается... М-м?

Внезапно пальцы проткнули что-то мягкое, и в картине образовалась дыра.

Ши Юн оторвал кусок рваного полотна и с любопытством прильнул глазом к черному отверстию.

Зрение на мгновение затуманилось, но вскоре прояснилось. Увидев, что происходит внутри, Ши Юн возбужденно расширил глаза, растянул рот в ухмылке, и его охватило лихорадочное волнение.

Через отверстие размером с палец он увидел ту самую женщину с картины. Она разговаривала с мужчиной лет сорока-пятидесяти. Лицо того было изрезано морщинами, но все еще угадывались черты былой красоты.

— Шэнь Чжэн, ты слышал? Этот сопляк закончил университет! Если ты не возьмешься за него, он еще чего доброго добьется успеха. Что мы тогда будем делать с Минъяо?

Женщина с химической завивкой, сидя на кровати в розовом шелковом пеньюаре, без умолку пилила мужчину. Обхватив себя руками под грудью, она лишь подчеркивала свои пышные формы.

— Что делать? Опять ты за свое. Выбрались наконец из дома, а ты только и делаешь, что ноешь о всякой ерунде, — мужчина с неприязнью смотрел на ярко накрашенную женщину.

С возрастом он все больше тяготился этой женщиной, которая была с ним так долго.

Такие вульгарные зрелые дамы больше не возбуждали его. В последние годы ему нравились юные студентки — живые, свежие, рядом с которыми он и сам чувствовал себя моложе.

— У Минъяо и так успеваемость ни к черту! Он целыми ночами гоняет на своем мотоцикле!

— А ты еще и купил его ему! Теперь он вообще за учебу не берется! — женщина, заметив его нескрываемое раздражение, в гневе вскочила и, тыча в него пальцем с длинным маникюром, закричала: — Тот пацан получил диплом престижного вуза, теперь все будут сравнивать их с Минъяо! Какое у нас после этого будет лицо?

Мужчина нахмурился, глядя на ее палец, и, перестав скрывать эмоции, рявкнул:

— Ну и что ты предлагаешь? Убить его, что ли?

— Да убей его! — голос женщины внезапно взвизгнул.

— Тс-с! Тише! Хочешь, чтобы нас полиция забрала?

Ши Юн сглотнул, чувствуя нетерпение. Он хотел увидеть, как эти двое будут раздеваться, а не слушать их ссоры. Какое ему дело, убьют они кого-то или нет?

Тук-тук-тук. В дверь постучали.

— Дядя, тетя, можно войти?

Раздался глухой голос незнакомого молодого человека.

— Кхм, это Минъюэ? Что случилось так поздно? Подожди минуту, я сейчас открою.

Оба в комнате засуетились, явно испугавшись, что их разговор могли подслушать. Мужчина поспешно встал, бросив холодный взгляд на женщину, приказывая ей привести себя в порядок.

Как только он открыл дверь, тяжелый молоток с размаху обрушился ему на голову!

Мужчина рухнул на пол, не издав ни звука, — то ли мертв, то ли без сознания.

Вмятина от удара на лбу мгновенно залилась кровью, которая густой маской покрыла все лицо, стекая на ковер, жадно впитывающий влагу.

— А-а-а-а-а! — закричала женщина, впадая в истерику.

Ши Юн, наблюдавший за убийством в прямом эфире, побагровел. На висках вздулись вены, он стиснул зубы так, что заходили желваки, и тяжело, со свистом дышал. Его охватил смертельный ужас.

Снова труп! И прямо у него за стеной!

Он понимал, что не стоило подглядывать. Если бы не это, он бы не узнал, что рядом орудует маньяк.

Но теперь было поздно. Он не знал, догадается ли убийца, что в соседней комнате кто-то есть?

— Тетя, не бойтесь. Я просто зашел поздороваться. Хорошо, что вы еще не спите, — молодой человек за порогом, волоча тяжелый молот, вошел в комнату.

Металлическая головка молотка скребла по полу, издавая ужасающий, пробирающий до костей скрежет.

— Шэнь Минъюэ, ты совершил убийство! Что ты творишь?! Убирайся! Вон отсюда! — женщина, пятясь, врезалась в стол, но даже не почувствовала боли.

— Я же сказал, просто зашел поздороваться. Как насчет того, чтобы считать то, что сейчас произошло, моим подарком на окончание учебы? — низкий, бархатный голос юноши звучал как капли воды, падающие с лезвия ножа — опасно и жутко.

Он был одет в мешковатую серо-синюю старую одежду, высокий, неестественно худой, с длинными волосами, которые, казалось, не стригли годами. От него веяло болезненным безумием.

Женщина продолжала визжать и проклинять его, надеясь, что кто-то услышит и придет на

помощь. Юноша отступил в сторону, освобождая проход, и жестом предложил ей бежать.

Она, не сводя с него глаз, помедлила секунду, а затем, спотыкаясь, бросилась вон из комнаты.

Она должна вызвать полицию! Пусть этот псих сдохнет! Или сгниет в тюрьме до конца своих дней!

В комнате наконец воцарилась тишина. Ши Юн смог, наконец, вдохнуть. Он медленно выдохнул и собрался было отодвинуться, чтобы закрыть дыру, как вдруг в отверстии показался глаз!

Глаз, глубокий, как черная бездна, с расширенным до предела зрачком, в котором не было видно радужки. Он был полон безумной ненависти. Ши Юн оказался всего в ладони от этого взгляда — они смотрели прямо друг на друга.

— А! — Ши Юн вскрикнул, отпрянул, споткнулся и рухнул на пол, содрав кожу на локте.

Но ему было не до боли. Он, как безумный, пополз к двери, чтобы запереть ее. Руки дрожали, не слушаясь.

— Черт, черт! — он был готов отрубить себе эти никчемные руки.

Он изо всех сил крутил замок, пока не раздалась щелчка. Деревянная дверь вряд ли выдержала бы много ударов молотом, поэтому он бросился к шкафу, волоча его к выходу, и начал заваливать проход всем, что попадалось под руку.

Однако ничего не происходило.

Он сидел на полу, обессиленный, с ватными ногами. Ши Юн, весь в крови, прислушивался к каждому шороху, сердце колотилось так громко, что заглушало все остальное.

Сейчас он как никогда хотел вернуться в современный мир. Даже тюрьма казалась ему раем по сравнению с этим гиблым местом.

В комнате слышалось только его тяжелое дыхание, да еще чье-то незримое присутствие. Кто-то пристально, изучающе смотрел на него, словно мясник, оценивающий скот в загоне.

Ши Юн нервно огляделся — никого.

Под кроватью, в щелях шкафа, в углах — пусто.

Когда взгляд скользнул по стене, его лицо непроизвольно дернулось. Дыра в картине!

Нужно закрыть ее!

Ши Юн на четвереньках пополз к стене. Голова кружилась, он безумно озирался по сторонам. Кто-то все еще смотрел на него!

Он приблизился к стене, опустился на колени. Запрокинув голову на девяносто градусов, он прижался подбородком к обоям и, вытянув правую руку, начал медленно приближать пальцы к отверстию.

Жесткие, как сухие ветки, пальцы коснулись края оторванного холста и начали осторожно расправлять его.

Ши Юн затаил дыхание. По лбу и спине градом катил пот, смешиваясь с засохшей кровью и попадая в глаза, но он не обращал внимания.

Он был сосредоточен так же, как тогда, в восемь лет, когда впервые крал деньги у умирающего старика.

Оторванный кусок картины лег на место, закрывая жуткую дыру.

Он начал яростно тереть левой рукой по голове. Ши Юн никогда еще не был так благодарен себе за привычку использовать тонны геля для волос. Он сдирал его с волос и этой липкой, грязной массой намертво приклеивал бумагу к стене.

Затем он сорвал с кровати простыню и наглухо закрыл ею стену.

В комнате все еще были глаза, которые смотрели на него, но он больше не мог никуда пойти...

Ши Юн без сил осел на пол, глядя в пустоту, и бормотал:

— Не смотрите на меня... не смотрите... не смотрите... на меня...

<http://bllate.org/book/20876/2108556>